

П. В. КРЫЛОВ

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОРПОРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ ПАРИЖ И ПРАГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

В начале XV в. Франция и Чехия переживали глубокий и многосторонний политический кризис. В первом случае, его спусковым крючком послужил династический конфликт между Валуа и Плантагенетами за обладание французской короной. В результате безумия Карла VI (1380–1422), борьбы придворных партий бургундцев и арманьяков за регентство при недееспособном монархе и иностранного вторжения в 1415 г. кризис перерос в настоящую гражданскую войну. Во втором случае, нарастанию кризисных явлений способствовала успешная проповедь церковной реформы, лидером которой стал Ян Гус. Его казнь на костре в Констанце 6 июля 1415 года не только не утихомирила страсти, но, напротив, спровоцировала всеобщее возмущение в землях короны Святого Вацлава. Результатом стал упадок королевской власти в обеих странах. Власть над Францией оспаривали Карл VII Валуа и Генрих VI Ланкастер, оба считавшие себя законными королями. В Чехии с 1419 по 1436 гг. водворилось фактическое бескоролье. Чешские сословия долгие годы отказывались признать наследные права на престол Сигизмунда Люксембургского после смерти его брата Вацлава IV, последовавшей 16 августа 1419 года. Итогом было усиление на политической сцене роли отдельных самостоятельных игроков: герцоги Бургундский и Бретонский, паны Ольдржих из Рожмберка и Менгарт из Градца, Пражский союз городов, капитан Перине Грессар или таборитский гетман Ян Гвезда из Вицемилиц стоили ровно столько, сколько вооруженных бойцов и материальных ресурсов они были в силах собрать.

Университетские сообщества не остались в стороне от кризисных событий, напротив они приняли в них деятельное участие. Впервые, физическое присутствие в столицах большого числа магистров и студентов, объединенных корпоративными институтами, и пользующихся широкими горизонтальными и вертикальными связями давало им реальную возможность влиять на политические процес-

сы. Десять тысяч выпускников университета были собраны в Париже в 1394 г. для голосования по вопросу о позиции по Великому Расколу¹. Пражский университет был существенно меньше: общая численность слушателей факультета права в 1372–1418 гг. составила 3541 чел.², но и население Праги было примерно в пять раз меньше парижского, составляя накануне 1419 г. 35 тыс. чел. Во-вторых, участие в делах правления воспринималось универсантами как неотъемлемое право, и даже моральный долг. Неслучайно, на рекламном плакате, висевшем в 1348 г. в Латинском квартале, можно было прочесть такой текст: «Если кто хочет услышать чтение “Политики” Аристотеля и обсудить вопросы о том, что справедливо и что несправедливо, полезные, дабы учредить новые законы или улучшить старые, пусть приходит в это место: он найдёт там мэтра Николя Отрикура, который научит всему этому в его лекциях»³. Со своей стороны, власти светские и духовные регулярно обращались к университетам за разъяснениями и поддержкой в случае политических затруднений, будь-то спор Филиппа IV с папской властью или раскол Западной Церкви на римскую и авиньонскую юрисдикции. Обращения такого рода не только льстили университетам, но и служили укреплению осознания ими высокой общественной роли — доброго советчика при добром государе, в полном соответствии со «средневековым духом совета»⁴. Возражения со стороны Плантагенетов относительно претензий рода Валуа на французский престол привели при Карле V Мудром (1364–1380) к расцвету политической теории. Её создатели Рауль де Прель, Жан Голен, Филипп де Мезьер и их коллеги из Сорбонны обосновывали преимущественные права своего патрона, отталкиваясь от концепции «королевского достоинства», возведенной ими на фундаменте аристотелевских трактатов, которые были переведены на французский язык Николя Оремом⁵. Хранителями этой теории университетские богословы полагали самих себя. Университет для них — «самая

¹ Уваров П. Ю. Парижский университет и местные интересы (конец XIV – первая половина XV века) // Средние века. 54. М., 1991. С. 58.

² Smahel F. Husitske Cechy. Struktury, procesy, idej. Praha, 2001. S. 251.

³ Цит. по: Krynen J. L'empire du roi. Idees et croyances politiques en France XIIIe – XVe siecle. Paris, 1993. P. 282-283.

⁴ О значении «духа совета» для средневековой политической культуры см.: Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв. СПб., 2000. С. 37-51.

⁵ Krynen J. L'empire du roi... P. 127-135.

здоровая часть общества», — его *sanior pars*, или, по образному выражению Жана Жерсона: «прекрасное око, поставленное над этим королевством, дабы изучать всё, что надлежит предпринимать; он подобен стражу, поставленному на самую вершину башни наблюдать, не приблизилась ли опасность, и звонить о её приближении»⁶. По этой причине «университет, который сильно любит короля и коммуну»⁷, «**требует** от короля разрешения представить на завтра некоторые вещи, которые были бы очень полезны для мира в королевстве»⁸. В этих фразах — памятник, возведенный «парижским горожанином» высоким претензиям его *alma mater* на участие в политике.

Авторитет Пражского университета в западно-христианском мире существенно уступал авторитету Сорбонны, однако, в пределах «короны Святого Вацлава» он пользовался монопольными правами на образование, не имея соперников с момента своего основания 7 апреля 1348 г. Особенно процветала его «чешская нация» («*Natio Bohemica*»), благодаря покровительству частных меценатов из числа панов, шляхтичей и состоятельных горожан чешского происхождения, считавших её «единственной своей». Протест против сожжения Яна Гуса, подписанный сотнями чешских магнатов, требовал передачи вопросов веры на суд магистров из Праги⁹, что было прямым подтверждением высокого местного престижа этого учёного сообщества.

Однако остается открытым вопрос, в какой степени сравнимы между собой действия обоих университетов в условиях кризиса королевской власти, а также, возможно ли обнаружить существование некоей общей для Сорбонны и Каролинума университетской политической культуры¹⁰, которая проявлялась бы в этих действиях?

⁶ Из речи “*Vivat rex*”, произнесенной 7 ноября 1405 г. Цит. по: *Krynen J. L'empire du roi...* P. 288.

⁷ *Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449* / Ed. C. Beaune. Paris, 1990. P. 56.

⁸ *Ibid.* P. 62. Или: «Незадолго до этого проповедовал перед королем проповедник из обители Матюрен (Рено де Ла-Марш. — П. К.), очень хороший человек, и показал на жестокость, которую они совершают по причине отсутствия доброго совета, говоря, что в этом королевстве, очевидно, есть предатели, в числе которых один прелат, кардинал Барский, последний был на этой проповеди и ответил проповеднику, назвав его “подлым псом”, за что был сильно ненавидим Университетом и коммунной». *Ibid.* P. 36.

⁹ *Kejr J. Mistri prazske univerzity a knezi taborsti.* Praha, 1981. S. 7.

¹⁰ Такое сравнение проводит, к примеру, Ж. Верже: «Кроме Парижа главный пример существенной политической роли, сыгранной представителями уни-

Судьба университетской корпорации в Праге оказалась много более печальной, чем в Париже. Формально сохранившись в годы гуситских войн, она фактически перестала существовать. Если в начале 1411 г. на диспут под руководством Гуса собралось 66 магистров, среди которых было 32 рукоположенных священнослужителя, то в 1433 г. их оставалось всего 13 или 14, из которых только 5 жили в коллегии Карла. Среди них не числилось ни одного доктора богословия или права, хотя выборы ректора и декана проводились с прежней периодичностью¹¹. Парижский богослов Эли Шарлье, посетивший Прагу в конце 1433 — начале 1434 г. с переговорной миссией от лица Базельского собора, не без иронии отметил в своих записках: «На следующий день пришли те, кто относят себя к Пражскому университету наук. Между ними был некий старец-магистр Кристиан (Кржиштян из Прахатиц. — П. К.), которого они зовут ректором университета»¹².

Последнее решение от имени университета было вынесено 10 марта 1417 г. и подписано тогдашним ректором Яном Кардиналом — это было одобрение причащения мирян под обоими видами¹³. Слово «университет» (*ucenie Prazske*) исчезает из документов периода гуситских войн, и если какие-либо решения принимаются от имени его магистров, то они фигурируют в качестве «*communitas fratrum*»¹⁴ или «*consilium plurimum magistrum advocatum*»¹⁵. В статьях требований, поданных императору Сигизмунду в сентябре 1419 года ещё

верситета являет Прага. Именно из пражской университетской среды вышел Ян Гус и его друзья-реформаторы; после его смерти пражские магистры в их совокупности вошли в состав самого умеренного течения гуситской революции, которое, противостоя экстремизму таборитов и армиям императора, постоянно трудилось над восстановлением общения с Церковью (восстановлено в 1436 г.). На протяжении всего кризиса пражские университеты являлись одновременно выразителями идей национального и церковно-реформаторского движения в Чехии и естественными советниками и вдохновителями политики сначала короля, а затем знати и городского патрициата, захвативших власть в Чехии». *Verger J. Les gens de savoir en Europe a la fin du Moyen Age. Paris, 1998. P. 150-151.*

¹¹ *Kejr J. Mistri prazske univerzity a knezi taborsti... S. 80.*

¹² “*Altera die venerunt illi, qui reputant se universitatem studii Pragensis. Inter quos erat quidam magister senex Cristanus quem vocabant rectorem universitatis*”. *Monumenta conciliorum generalium saeculi XV, I. Liber de Legationibus Aegidii Carlerii. Vindobonae, 1857. P. 363.*

¹³ *Archiv Cesky. T. III. Praha, 1844. S. 203-205.*

¹⁴ *Zilynska B. Husitske synody v Cechach 1418-1440. Praha, 1985. S. 82.*

¹⁵ *Рандин А. В. Гуситская революция и пражский университет. Йошкар-Ола, 1994. С. 46.*

можно обнаружить пункт, в котором хотя бы упоминается студенчество — «а также, чтобы магистерство студентам предоставлялось свободно, без святотатства»¹⁶. В последующие годы подобных упоминаний гуситские документы уже не содержат, а католический полемист Ондřej из Брода прямо бросает в 1421 г. в адрес Праги обвинение в утрате городом университета, который в прежние годы давал чешской столице и деньги, и славу покровительницы наук¹⁷. После прекращения занятий в 1419 г. некто Николай Жилин дважды в 1419 и 1429 гг. безуспешно пытался собрать комиссию для прохождения экзаменов на звание магистра. Не увенчалась результатом и попытка пражских коншелов возобновить деятельность университета в 1425 г.¹⁸.

Незавидная судьба Каролинума во многом была определена открытой ненавистью к интеллектуалам со стороны «партии» воинствующих милленаристов в гуситском движении: «Если кто учился семи искусствам, принял в них магистерство или допускал себя звать магистром, тот погряз в суеде и язычестве, а также совершает смертный грех против учения Господа Христа», — можно прочесть в статьях «О заблуждениях таборитов»¹⁹. Ещё один тезис таборитов: «Пусть кроме Библии ни одно писание святых докторов или каких-нибудь магистров и мудрецов не должно быть прочитано, изучено или оглашено, ибо они люди, которые могли заблуждаться»²⁰, — ставил под угрозу само университетское преподавание, в значительной мере основанное на чтении Аристотеля. Неслучайно лидер пражских радикальных гуситов Ян Желивский требовал представить в ратушу университетские статуты, чтобы разобраться «нет ли в них положений, противоречащих Слову Божьему»²¹. Проповедуя в Праге 26 марта 1420 года, таборитский пресвитер Антох назвал городских коншелов

¹⁶ Archív Cesky. T. III. S. 206-208. См. статью 12: “Aby hodní na swěcenie byli dopuštěni bez swatokupectwie a bez w nowě zamyšlěných přísah a odřezowanie; takéž aby mistrowanie študentóm swobodné bylo propuštěno”. Наряду с этим, артикул 20 содержал требование передать все дела, касающиеся вопросов веры в Чешском королевстве, на суд магистров пражского университета.

¹⁷ Planctus super civitatem Pragensem // Vybor z ceske literatury doby husitske. Sest. V. Havranek, J. Hrabat, J. Danhelka. Praha, 1964. Sv. I. S. 423, 425-426.

¹⁸ Литатникова Г. И. Пражский университет и общественная жизнь в Чехии во второй половине XIV – начале XV века. Воронеж, 1953. С. 209.

¹⁹ Archív Cesky. T. III. S. 223. Ст. 71.

²⁰ Ibid. Ст. 70.

²¹ Рандин А. В. Указ. соч. С. 59.

и магистров университета «двумя рогами чёрта, которые этими рогами мешают святой истине», а уже 1 апреля того же года в Бероуне трое магистров из коллегии Карла были сожжены по приказу Яна Жижки вместе с 37-ю пресвитерами, монахами, плебанами, каким-то рыцарем и несколькими пражанами, бежавшими из столицы²². А после того, как 9 марта 1422 г. Желивский был убит в ратуше Старого Места Пражского, толпа его возмущенных последователей, возложив вину в этом на магистров, учинила в зданиях университета погром, сожгла книги и вынудила Якубека из Стржибра и иных университетских деятелей покинуть Прагу. К слову, заодно с университетом был разгромлен еврейский квартал²³. В 1423 г. в статуте факультета искусств появилась запись о том, что магистры опасались ходить по улицам в мантиях «из-за глумления со стороны грубого народа»²⁴. Впрочем, интеллектуальная жизнь в Праге полностью не утихла. По крайней мере, дважды в 1426 и 1429 гг. состоялись диспуты о сущности Божественной Евхаристии между Яном Пржибрамом и Петром Пейном, первый из которых прошёл в Вифлеемской часовне²⁵.

Необходимо отметить, что казнённые Яном Жижкой магистры Брички из Жатца, Шимон из Рокицан и Вавржинец из Нимбурка встретили свою смерть рядом именно с радикалами-таборитами, с которыми они в своё время ушли из Пражского университета. Бывшие студенты, бакалавры и магистры находили своё место в разных течениях гуситства. К примеру, при попытке «консервативного» переворота в Праге 17 апреля 1427 г., направленного против земского правителя Сигизмунда Корибутовича, магистры Ян Пржибрам, Кржиштян из Прахатиц и Прокоп из Пльзеня оказались среди заговорщиков и поплатились непродолжительным изгнанием, в то время, как Ян Рокицана, Лаврентий из Бржезовой и Якоубек из Стржибра, представлявшие более неуступчивую в вопросе примирения с Римской Церковью группировку пражан-чашников, могли быть причислены к победителям²⁶. На Базельском соборе в 1433 г. Рокицана от имени пражан отстаивал тезис о причащении под обои-

²² Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / Изд. Й. Мацек. М., 1962. С. 200.

²³ Čornej P. Velké dějiny země koruny České. Sv. 1402–1437. Praha-Litomyšl, 2000. S. 314.

²⁴ Липатникова Г. И. Указ. соч. С. 214.

²⁵ Рандин А. В. Указ. соч. С. 67 и 72.

²⁶ Там же. С. 68.

ми видами. Бакалавр Микулаш Бискупец из Пельгржимова был избран епископом Табора и представлял это движение в Базеле в прениях о наказании смертных грехов. Бакалавр Олдржих из Знойма изложил там же гуситское понимание свободы проповеди Слова Божьего, а магистр Петр Пейн, английский последователь Уиклифа, нашедший убежище в Чехии, прибился к «сиротам», отрядам умершего в 1424 г. Яна Жижки, сохранившим свое особое положение в гуситском лагере. Он защищал перед Базельским собором тезис о запрете священнослужителям осуществлять светскую власть. Но, превратившись в теологических экспертов, дипломатических агентов и даже первых лиц духовной иерархии той или иной гуситской группировки, выходцы из университетской среды не могли рассчитывать на ведущие политические роли, занимаемые панами (Менгарт из Градца, Алеш Вржештовский, Ян Рогач из Дуба), влиятельными горожанами (Ян Вельвар) или вождями «войск, в поле трудящихся» (Ян Жижка, Прокоп Великий). Показательно, что несмотря на постоянное участие магистров в переговорах о компактах с Базельским собором и императором, окончательное оформление соглашений обошлось без подписей пражских университетариев.

Упадком университета пытался воспользоваться император Сигизмунд, долгие годы добивавшийся признания своей власти пражанами. Одним из его обещаний, явно рассчитанным на положительный отклик среди сохранившихся в Праге представителей университета, было вернуть Каролину утраченное имущество и способствовать возобновлению занятий и возвращению магистров-чехов и иноземцев, признающих причащение под обоими видами²⁷. Реакция на них неизвестна, но с их выполнением император явно не спешил, судя по претензиям чешских сословий 1437 г., упрекавших его в раздаче университетского и больничного имущества верным ему людям в 14-й статье из восемнадцати «Артикул против цезаря, которые он не сдержал»²⁸.

Парижский университет также понёс в годы кризиса ущерб, бывший, однако, несоизмеримо меньшим и выразившийся, главным образом, в уменьшении численности корпорации и её вытеснении на обочину политической жизни Франции. В процессии по случаю возвращения Парижа под власть Карла VII, состоявшейся 20 апреля

²⁷ В письме пражанам из Брно 6 июля 1435 г. и в королевском маестате 20 июля 1436 года. *Archiv Cesky*. Т. III. S. 433, 447.

²⁸ *Archiv Cesky*. Т. III. S. 457.

1436 г. в Сент-Катрин-дю-Валь-дез-Эколье, приняло участие 4 тысячи университетариев. Однако, если во время похорон Карла VI в 1422 г. представители Сорбонны занимали второе место в погребальной процессии вслед за нищенствующими братьями²⁹, то в 1461 г. на похоронах Карла VII они пропустили вперед себя делегации парижских приходов, в то время как королевские останки были окружены чиновниками Парижского парламента³⁰. Соперники Парижского университета были значительно менее решительными, чем соперники Пражского. Герцог Орлеанский мог советовать им заниматься учёбой и наукой, намекая на то, что в вопросах веры доктора богословия не имеют обыкновения прислушиваться к совету ассамблеи рыцарей³¹. Избранный без согласия английской администрации епископом Парижа магистр Жан Курткюисс мог некоторое время скрываться в Сен-Жермен-де-Пре, опасаясь за безопасность³². Однако, за исключением нескольких сопровождавшихся репрессиями эпизодов обострения борьбы между бургундцами и арманьяками, особенно, в 1413 и 1418 гг., Париж оставался более или менее спокойным городом, в котором магистры и студенты не только продолжали занятия, присуждали степени и попутно организовали в 1418–1436 гг. 50 процессий «ради мира и порядка»³³. Их собственные политические претензии и представления о значительности их роли в событиях вполне демонстрирует «парижский горожанин», представлявший «назначение» герцога Джона Бедфорда правителем Нормандии, а герцога Филиппа Доброго — регентом Франции, последовавшее в октябре 1429 г., после блистательного появления на политической сцене Жанны д'Арк, драматических поражений английских войск под Орлеаном и Патэ, триумфального похода армии дофина Карла Валуа на Реймс и его коронации 17 июля, результатом «просьбы Университета, парламента и горожан Парижа»³⁴.

²⁹ *Journal d'un bourgeois de Paris...* P. 193-194.

³⁰ *Vale M. G. A. Charles VII. Berkeley – Los Angeles, 1974. P. 212.*

³¹ *Krynen J. L'empire du roi...* P. 285.

³² *Journal d'un bourgeois de Paris...* P. 179.

³³ *Цатурова С. К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 270.*

³⁴ *Journal d'un bourgeois de Paris...* P. 269. «Примерно через восемь дней (7–9 октября 1429 г. — П. К.) прибыл кардинал Винчестерский (Генри Бьюфорт. — П. К.) с отличным войском и затем провёл несколько советов, после чего, по просьбе Университета, Парламента и горожан Парижа, было решено,

Несмотря на серьезные различия в условиях существования университетов в Париже и Праге, можно выделить некоторые общие тенденции в подходе к политическому кризису. С одной стороны, это проявлявшаяся и там, и там острая реакция на ущемление собственных прав, — в форме петиций, процессий или, в самом крайнем случае, университетских сецессий. «Громадной сецессией»³⁵ отреагировали немецкие магистры и студенты из Праги на опубликование Вацлавом IV Кутногорского декрета 18 января 1409 г., дающего преимущества «чешской нации». От 700 до 800 студентов и магистров перебрались в Дрезден, чем положили начало тамошнему университету. Подобным же образом, репрессии бургундской партии против сторонников дофина Карла Валуа в 1418 г. привели к появлению «арманьякского университета» в Пуатье, получившего официальное признание в 1431 г. С другой стороны, представители университетов стремились подвергнуть любую проблему, в том числе и политическую, всестороннему обсуждению и найти из неё выход, опираясь на логические доводы и богословские авторитеты, а не на династическую примогенитур или магические способности, сообщаемые монарху помазанием на царство. Кроме того, настроенность на примирение противоборствующих сторон, в которой некоторые исследователи гуситства видят проявление ненависти к народному революционному радикализму³⁶, возможно, является следствием принадлежности к университетской субкультуре, благодаря чему представители университетов столь широко привлекались в качестве переговорщиков разными сторонами конфликта. Одновременно, кризис — как во Франции, так и в Чехии — привёл к уменьшению роли университетских корпораций в политической жизни обеих стран. Она всё более сводилась к подтверждению некоего уровня знаний, в то время как на авансцену выходила образованная личность, непосредственно и независимо от университета связанная с правителем, придворным кругом или административными институтами выходящего на авансцену истории абсолютистского государства.

что английский герцог Бедфорд будет правителем Нормандии, и герцог Бургундский станет регентом Франции».

³⁵ *Smahel F.* Husitske Cechy... S. 258.

³⁶ *Kalivoda R.* Husitske mysleni (Studie a prameny k dejinam mysleni v ceskych zemich. Sv. 3) Praha, 1997. S. 69.